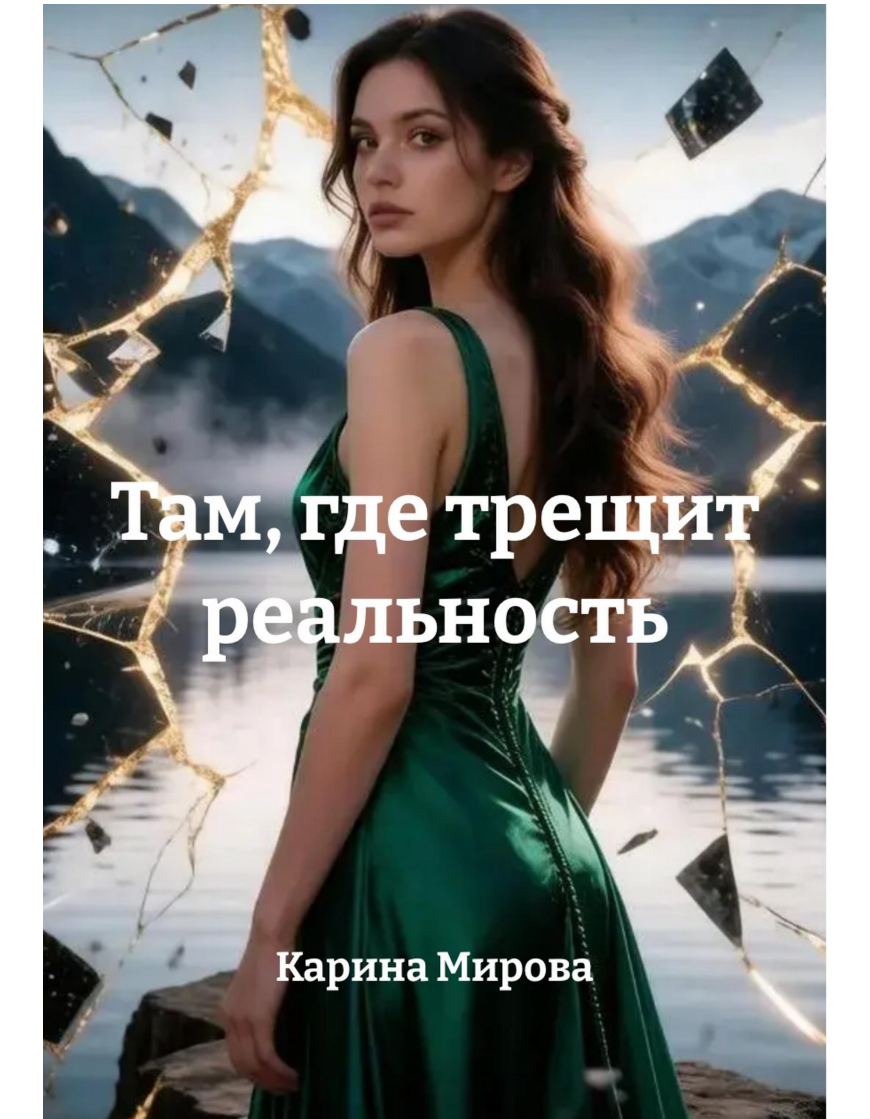

Там, где трещит реальность

Карина Мирова

Карина Мирова

Там, где трещит реальность

<https://litres.ru/74310247>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Киры есть всё: престижная должность в люксовом отеле Сочи, безупречная репутация и девиз «Я всё сама». За этой броней — шрамы детства, слабость отца и недоверие к мужчинам.

Идеальный мир рушится, когда в отеле появляется Дамир — жёсткий инвестор из Москвы. Каждая встреча с ним выбивает почву из-под ног, а на стёклах и часах Киры проступают золотые трещины. Пространство взламывает её контроль. В панике Кира сбегает в горы Эльбруса — остаться наедине с собой.

Внешний мир оказывается лишь зеркалом её подсознания. Через слёзы, панические атаки и настоящую ночь души ей предстоит понять закон Вселенной: пока воюешь — мир бьёт в ответ. Но стоит шагнуть в уязвимость — и всё меняется: мужчины становятся опорой, близкие исцеляются, а фальшь исчезает.

Это не просто роман — это книга-инициация о пробуждении женской сути. Готовы опустить плечи, довериться темноте и наконец проснуться?

Содержание

Предисловие автора	4
Глава 1. Точка нуля	6
Глава 2. Доверься темноте	14
Глава 3. Разблокированная опция	28
Глава 4. Зеркальный сбой	34
Глава 5. Тонкие грани	38
Глава 6. Треугольник контроля	43
Глава 7. Бесконтактный бой	48
Глава 8. Зеркала и отголоски	52
Глава 9. Горная тишина и предсказания	57
Г	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Карина Мирова

Там, где трещит реальность

Предисловие автора

Эта книга не была придумана за рабочим столом. Каждая её строчка, каждый внутренний шторм главной героини, звенящая тишина гонг-медитаций и ослепительное величие Эльбруса — это не полёт фантазии. Это мой личный, глубокий и честно выплаканный жизненный опыт. Я прошла этот маршрут сама, от первого до последнего шага, ломая свои собственные доспехи.

Мы живём в мире, который учит женщину быть сильной. Нас с детства приучают держать удар, строить бетонные бункеры вокруг своего сердца и верить только жёстким расчётам. Лозунг «Я всё сама!» незаметно становится нашей личной ментальной тюрьмой. Мы думаем, что тотальный контроль защищает нас от боли, но на самом деле он лишает нас самого главного — дыхания, жизни и способности любить. В этой гонке за безопасностью мы задыхаемся, превращаясь в каменных Атлантов, которые в одиночку тащат на себе купол своей реальности, пока тело не начинает буквально ломаться от сверхусилия.

Но у Вселенной свои законы. Реальность — это не жёст-

кий бетон. Это удивительно чуткое, пластичное зеркало нашего подсознания. Мир ежесекундно отражает то, что горит у нас внутри. Пока мы воюем и ждём предательства — пространство послушно подсовывает нам слабых мужчин, грязные сплетни и внешние кризисы, чтобы подтвердить наши страхи.

Эта книга — о том, что происходит, когда ты наконец-то решаешься сделать самый страшный, сакральный шаг в своей жизни. Шаг в уязвимость.

Это история о том, как сквозь глянцевые трещины привычного мира пробивается живая, пробуждённая душа. Здесь, на этих страницах, заложен реальный психологический и духовный код исцеления. Вы увидите на практике, как отказ от борьбы и разблокировка истинного доверия миру мгновенно перестраивают геометрию пространства вокруг женщины. Как её внутренний покой возвращает силу близким, стирает фальшь из окружения и притягивает мужчин монолитной, зрелой силы.

Если вы держите в руках эту книгу, значит, ваша собственная коробка контроля уже дала трещину. Не бойтесь этого звука. Именно там, где трещит привычная реальность, и начинается настоящая жизнь.

Пришло время опустить плечи. Довериться темноте и наконец-то проснуться.

Глава 1. Точка нуля

Жаркий сочинский август плавил асфальт Курортного проспекта, но внутри пятизвёздочного отеля «Гранд Марине» царила стерильная, дорогая прохлада. Воздух здесь пах тонким ароматом селективного парфюма с нотами белого чая, кондиционированной свежестью и очень большими деньгами.

Кира стояла у панорамного окна executive-лаунжа на седьмом этаже. Брючный костюм цвета горького шоколада сидел безупречно, каштановые волосы были собраны в гладкий низкий хвост, а на запястьях мягко поблескивали дорогие часы. В свои двадцать восемь лет Кира занимала пост директора по управлению гостевым сервисом. Для люксовой международной сети это был феноменальный взлёт.

Внизу, за стеклом, Чёрное море лениво катило мелкие волны к частному пляжу. Кира смотрела на него, но видела лишь цифры в планшете.

— Кира Алексеевна, — к ней неслышно подошёл старший портье, молодой парень с испуганными глазами. — На кухне задерживают поставку устриц для VIP-фуршета. А через сорок минут заезд инвесторов. Шеф-повар рвёт и мечет, я не знаю, что делать...

Кира перевела на него спокойный, глубокий взгляд карих глаз. Ни один мускул на её лице не дрогнул. Эмоции на ра-

боте — это непозволительная роскошь, уязвимость, которую она не могла себе позволить.

— Спокойно, Никита, — её голос прозвучал мягко, но с железными интонациями. — Я сама всё решу. Перенаправь звонки от шефа на мой номер. Свяжись со службой логистики и скажи, что если через пятнадцать минут машины не будет у нас, мы активируем штрафные санкции по контракту. Иди.

Парень облегчённо кивнул и растворился в коридоре. Кира проводила его взглядом, и внутри привычно заворочалась глухая, свинцовая усталость. «Я сама». Её личный девиз. Её броня и её проклятие.

Внезапно под ремешком часов на левом запястье сильно заудело. Кира поморщилась и слегка отодвинула ремешок. На загорелой руке проступило едва заметное розоватое пятнышко. Старая детская аллергия. Психосоматика, как говорила Кристина. Кира раздражённо опустила рукав пиджака. Ей некогда болеть. Отель — это огромный, капризный организм, где она обязана контролировать каждую мелочь: от температуры воды в открытом бассейне до идеального выражения лиц горничных. Если она расслабится хоть на минуту, эта безупречная машина рухнет.

Экран телефона ожил. На дисплее высветилось: «Папа».

Кира глубоко вздохнула, возвращая лицу маску мягкой уверенности, и провела по экрану.

— Да, пап, привет. Как ты?

— Кирочка... — голос отца в трубке звучал тихо, с той самой виноватой хрипотцой, которую она знала с детства. — Ты извини, что отвлекаю. Я тут... в аптеку сходил, а рецепт на мои новые капли от давления оставил дома. И колено так разнылось из-за этой влажности. Не помнишь, где они лежат?

Перед глазами Киры на секунду вспыхнула картинка из прошлого: маленькая съёмная квартирка в душном мегаполисе, вечный запах корвалола, мама умерла два года назад, а отец — добрый, любящий, но абсолютно сломленный потерей мужчина — сидит на кухне, обхватив голову руками. И девятилетняя Кира, стоя на табуретке, перебирая верхнюю полку шкафа в поисках нужных таблеток. «Не плачь, пап, я сейчас найду, я сама всё сделаю».

Они переехали в Сочи пятнадцать лет назад. Врачи сказали, что морской воздух спасёт Киру от обострившейся на нервной почве астмы и аллергии. Отец поехал за ней, бросив всё, но по дороге окончательно растерял свой внутренний стержень. Кира выросла быстро. Она купила ему отдельную уютную квартиру в спальном районе Сочи, полностью обеспечивала его, нанимала помощницу по дому, но их роли поменялись навсегда. Она была родителем для своего отца.

— Пап, на второй полке в прихожей, в белой коробке, — спокойно ответила Кира, мягко массируя переносицу. — Сиделка придёт через час, она всё сделает. Тебе нужно просто отдохнуть. Я вечером заеду, хорошо?

— Да, дочка. Спасибо тебе. Ты у меня такая сильная...

Кира нажала отбой. Слова отца, которые должны были звучать как похвала, отозвались в груди тупой болью. Сильная. Её тошнило от этого слова. Ей безумно хотелось, чтобы кто-то пришёл и сказал: «Отдохни. Я обо всём позабочусь». Но реальность была иной. Мужчины, с которыми она изредка ходила на свидания, оказывались либо слабыми, ищущими её опеки, либо пытались продавить её границы. Ей не было их жалко. Она считывала их фальшь за первые пять минут разговора и без сожаления вычёркивала из жизни.

Кира направилась к лифту, чтобы спуститься в лобби — устричный кризис требовал её личного присутствия. Она зашла в пустую зеркальную кабину премиального лифта. Двери плавно закрылись, отсекая звуки отеля.

Лифт мягко тронулся вниз. Кира смотрела на своё отражение: идеальный макияж, холодный блеск карих глаз. И вдруг в голове, словно из ниоткуда, сформировался чёткий, звенящий мысленный вопрос: «Неужели это всё? Неужели я так и проведу всю жизнь, выстраивая чужой комфорт, пока моя собственная душа задыхается в этой идеальной коробке?»

В ту же секунду лифт резко вздрогнул и замер между четвёртым и третьим этажами. Свет в кабине погас. Наступила абсолютная, пугающая тишина.

Кира не успела испугаться — она потянулась к панели, чтобы вызвать диспетчера, но замерла.

Зеркальная стена лифта перед ней вдруг подёрнулась лёгкой дымкой, словно по стеклу пустили пар. И прямо по центру зеркала, без единого звука, побежала тонкая, светящаяся золотом извилина. Настоящая физическая трещина.

Сквозь этот зазор в зеркале Кира увидела совсем другое пространство. Там не было её отражения. Там, сквозь серый туман, проступали очертания вековых, огромных деревьев с замшелыми стволами — древняя тисо-самшитовая роща, дикая и первозданная. До Киры донёсся отчётливый, влажный запах мха, сырой земли и дикой свободы. И этот мир не был статичным — он пульсировал, словно дышал. А из глубины этого туманного леса донёсся низкий, оглушительный гул морского прибоя, который отчётливо отозвался в её голове: «Ки-ра...»

Она зажмурилась, сердце испуганной птицей забилось о рёбра. Она с силой прижала ладони к глазам, чувствуя, как под пальцами бешено пульсируют вены. «У меня галлюцинации. Это переутомление. Просто тепловой удар».

Свет в лифте вспыхнул. Кабина мягко дёрнулась и продолжила движение. Когда двери открылись на первом этаже, Кира тяжело дышала, а её лоб покрылся мелкой испариной. Зеркало было абсолютно гладким.

Она вышла в лобби, заставляя свои ноги двигаться ровно. Огромное двухсветное пространство первого этажа жило своей привычной глянцевой жизнью. Повсюду шуршали шины дорогих чемоданов, звенели бокалы в лобби-баре. Ки-

ра шла мимо стойки регистрации, пытаясь удержать ускользающую реальность, как вдруг краем уха поймала обрывок разговора.

У диванов стояла пара. Мужчина в дорогом льняном пиджаке раздражённо выговаривал плачущей девушке:

— Ты не понимаешь? Ты просто арендуешь это пространство, оно никогда не станет твоим настоящим домом. Пора проснуться.

Кира замерла как вкопанная. Слова незнакомца идеально, до буквы, легли на её мысленный вопрос в лифте. Это был ответ. Мир вокруг словно повернулся на невидимой оси, склеивая её мысли с внешней реальностью в жуткую, сакральную синхронность.

В этот момент раздвижные стеклянные двери отеля плавно разъехались в стороны. В лобби вошёл мужчина.

Время для Киры замедлило свой ход, превращаясь в густую патоку. Шум лобби-бара, смех гостей, звонки телефонов — всё отдалилось, став глухим фоном.

Он был высоким. Короткая, идеально ровная стрижка светлых волос контрастировала с загорелой кожей. На нём был строгий тёмно-синий костюм, который подчёркивал широкие плечи и собранную, атлетичную фигуру. Мужчина шёл уверенно, чётко, не совершая ни одного лишнего движения. От него веяло абсолютным, звенящим спокойствием и огромной, контролируемой силой. Его сопровождали двое помощников с папками, но он держался особняком, словно

выстроив вокруг себя невидимую стену.

Он повернул голову, сканируя пространство лобби холодным, оценивающим взглядом карих глаз. Это был взгляд человека, который привык видеть насквозь чужую фальшь, корысть и попытки подобраться к его деньгам. Жёсткие границы, отлитые из гранита.

И в секунду, когда его карие глаза встретились с глазами Киры, реальность вокруг них треснула окончательно.

Киру прошиб мощный электрический разряд, от которого волосы на руках встали дыбом. Воздух между ними стал плотным, как перед субтропическим штормом. В её сознании взорвалась дикая, иррациональная вспышка абсолютно дежавю. Она не просто видела его впервые — её душа на каком-то сакральном, довербальном уровне закричала: «Это ты. Я знаю тебя. Я знаю форму твоих рук, я знаю этот холодный взгляд. Мы уже были здесь. Сотни лет назад».

Более того, Кира отчётливо увидела, как от его груди прямо к её сердцу по воздуху протянулась тонкая, едва заметная золотая нить, пульсирующая в такт её бешеному пульсу. А за его плечами, сквозь безупречный мрамор отельной стены, снова на долю секунды проступил тот самый замшелый, древний камень из её видения в лифте.

Мужчина тоже замер. Его чёткий, рациональный шаг сбился на долю секунды. Карие глаза Дамира — а это был именно он — слегка сузились. Его мозг, привыкший к безупречной логике и цифрам, зафиксировал иррациональный

сбой системы. Он посмотрел на красивую брюнетку в шоколадном костюме, и внутри него поднялась привычная, жёсткая волна недоверия. «Слишком пристальный взгляд. Слишком эффектная. Очередная охотница за статусом, которая пытается разыграть немую сцену», — холодно подумал он, привычно закрывая сердце на все замки.

Травма недоверия сработала у обоих одновременно, как захлопнувшийся капкан.

Дамир высокомерно отвернулся и направился к VIP-стойке регистрации, восстанавливая свою каменную броню.

Кира резко отвела взгляд, чувствуя, как к горлу подступает ком, а запястье под часами начинает гореть от зуда. Она сделала глубокий вдох, заставляя себя отступить на шаг назад, в тень искусственной пальмы. Её разум кричал, что она сходит с ума, но душа впервые за много лет сделала глубокий, полноценный вдох.

Первая ступень была пройдена. Нить синхронии завязалась в мёртвый узел, и глянец их привычного, безопасного мира дал первую, непоправимую трещину.

Глава 2. Доверься темноте

...Телефон в кармане пиджака вибрировал, не переставая, возвращая Киру в привычную, осязаемую реальность. Проблема с устрицами была решена тремя звонками: логисты нашли резервную машину, шеф-повар поостыл, а инвесторы, приехавшие вместе с Дамиром, уже расселялись по своим номерам.

Всё снова было под её абсолютным контролем. Почти всё. Образ высокого блондина с пронзительными карими глазами словно выжгло на внутренней стороне её век. Стоило Кире закрыть глаза, как она снова видела эту странную, безумную золотую нить между ними.

«Это просто аура дорогого парфюма и игра сочинского солнца на глянцевых стенах, — упрямо повторяла себе Кира, шагая по Навагинской улице в сторону Морпорта. — Переутомление. Завтра же запишусь на чек-ап и сдам кровь на гормоны».

Она зашла в небольшое, скрытое от глаз туристов кафе. Здесь не было пафоса её отеля. Пахло корицей, свежей выпечкой и хорошим джазом — Кира сразу расслабила плечи, уловив из колонок мягкий голос Нины Симон. Музыка всегда была её личной терапией.

— Кирочка! Ну наконец-то! — с углового дивана ей замахала тонкая рука с обилием серебряных колец.

Кристина выглядела как полная противоположность собранной, застёгнутой на все пуговицы Кире. Свободное льняное платье, растрёпанные русые кудри и глаза, вечно горящие каким-то внутренним азартом. Крис жила чувствами, верила в натальные карты, знаки Вселенной и тонкие миры. Кира часто подшучивала над её увлечениями, но искренне оберегала подругу. В их дружбе Кира привычно занимала позицию «старшей сестры» — заземляла, помогала с финансами, когда Крис забывала оплатить аренду студии, и вытаскивала из депрессий после очередного расставания с «мужчинами её мечты».

— Привет, Крис, — Кира улыбнулась, опускаясь в кресло, и сразу почувствовала, как под ремешком часов снова пополз знакомый зуд. Она незаметно поправила рукав.

— Ого, ну и вид у тебя. Опять всю душу из тебя твой отель вытряс? — Кристина внимательно посмотрела на подругу, придвигая к ней чашку с лавандовым рафом. — Я тут, пока тебя ждала, карту твою открыла. Кир, у тебя транзитный Плутон встал прямо на асцендент. Ты понимаешь, что это значит? Старый мир рушится. В твою жизнь идёт тотальный снос всех твоих башен и контроля. Жди человека-трансформатора. Жёсткого, чёткого, который камня на камне от твоего «я сама» не оставит!

Кира сделала глоток кофе, пряча за чашкой скептическую улыбку. Ей было тепло от заботы подруги, но её рациональный мозг тут же выстроил защиту.

— Крис, единственный «трансформатор», который ко мне сегодня пришёл — это новый VIP-гость. Зовут Дамир. Действительно, жёсткий и чёткий блондин. Посмотрел на меня так, будто я прямо сейчас собираюсь украсть его миллиарды. У таких мужчин вместо души — калькулятор, а вокруг — глухая стена из недоверия. Мне их даже не жалко, если честно. Просто работать с ними тяжело. Так что твой Плутон — это всего лишь крупный контракт для «Гранд Марины».

— Дамир... — Кристина засмаковала имя на языке, её глаза расширились. — Какое сильное имя. И ты говоришь, у него карие глаза при светлых волосах? Кира, это же редкое сочетание! Это маркер. Думаешь, калькулятор? А ты сама разве не такую же стену вокруг себя построила? Вы же как два зеркала!

Кира хотела резко ответить, вернуть разговор в привычное русло дружеской пикировки, но слова застряли у неё в горле.

Голос Нины Симон в колонках кафе вдруг оборвался посреди фразы. Наступила секундная тишина, а затем заиграл трек, от которого у Киры перехватило дыхание. Это была глубокая, пронзительная неоклассика с вкраплением эмбиента — её любимая композиция, которую она слушала в наушниках только в самые тяжёлые минуты одиночества. Эту вещь никто не крутил в публичных кафе.

Кира обернулась к барной стойке, чтобы посмотреть на экран проигрывателя, но взгляд её наткнулся на панорамное

окно.

На противоположной стороне улицы висела старая неоновая вывеска закрытого книжного магазина. Она не горела уже года два. Но сейчас, в такт первому аккорду зазвучавшей музыки, неоновые трубки вспыхнули тусклым, мерцающим светом. Они мигали, закорачивая, и из всего названия магазина остались гореть только две строчки:

«ДОВЕРЬСЯ ТЕМНОТЕ. ПРОСНИСЬ».

Реальность вокруг снова словно истончилась, превращаясь в прозрачную марлю. Кира видела, как буквы не просто горят — от них во все стороны по воздуху расходятся тонкие, едва заметные вибрации, от которых дребезжало стекло в её чашке.

В эту же секунду телефон Киры на столе коротко и требовательно завибрировал. На экране высветилось системное сообщение из отеля:

«Executive-лаунж. Номер 701, пентхаус. Гость Дамир просит личного присутствия директора по сервису для уточнения особых условий конфиденциальности договора. Срочно».

Кира смотрела на экран, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Синхрония мира замкнулась на ней, как капкан. Спрятаться за работу не получилось — работа сама вела её туда, где трещит реальность.

— Кир, ну правда, ты побледнела. Что случилось? — Кристина обеспокоенно подалась вперёд, и её серебряные брас-

леты тихо звякнули о край стола.

Кира заставила себя сморгнуть. Наваждение рассеялось. На другой стороне улицы неоновая вывеска закрытого магазина снова погасла, став куском грязного пластика. Музыка в кафе продолжала играть, но теперь она казалась просто красивым фоном.

— Всё нормально, Крис, — Кира с трудом сглотнула сухой ком в горле и опустила рукав пиджака, пряча зудящее запястье. — Просто... показалось. Наверное, действительно нужно сбавить оборот. Отец ещё этот рецепт потерял, разволновался. Я чувствую себя так, будто держу на плечах купол этого города, и если отвлекусь — всех придавит.

Кристина мягко накрыла ладонь Киры своей тёплой, усыпанной кольцами рукой. Её взгляд из восторженно-астрологического вдруг стал очень глубоким и понимающим.

— Кир, ты не должна держать купол. Ты не Атлант. Твой папа — взрослый мужчина, и он справится. И отель твой справится. Ты так боишься быть слабой, потому что думаешь, что слабость равносильна смерти. Но пока ты закована в эту броню, твоя настоящая душа сидит там в темноте и кричит. Дай себе право просто дышать. Доверься хоть чему-то, что нельзя просчитать в таблицах.

Слова подруги попали в самую больную, оголённую точку. Кира хотела возразить, привычно отшутиться, но не успела. На столе требовательно и громко зажужжал её рабочий телефон. На экране высветилось имя старшего портье Никиты.

Кира вздохнула — секундная слабость была мгновенно подавлена. Она сняла трубку:

— Да, Никита. Что произошло?

— Кира Алексеевна, у нас ЧП в пентхаусе, — голос парня в трубке почти дрожал от паники. — Господин Дамир... Он в ярости. Помощники принимают документы, а он требует руководство. Говорит, что отель его уровня не имеет права на такие просчёты.

— Ближе к делу, — чётко оборвала его Кира, уже поднимаясь из-за стола и на ходу набрасывая на плечо сумочку. — В чём именно претензия?

— Ему нужен изолированный рабочий кабинет с конфиденциальной линией связи. В пентхаусе 701 огромная гостиная, спальня, терраса, но отдельного кабинета нет, двери везде панорамные и стеклянные. Он говорит, что не может работать, когда его сотрудники видят каждый его шаг, и что мы сорвали ему подготовку к важной сделке. Он требует директора гостевого сервиса лично. Сейчас.

Кира закрыла глаза на секунду, восстанавливая внутреннее равновесие. Дамир. Его «чёткий» мир требовал таких же жёстких границ, как и её собственный.

— Я буду через десять минут, — спокойно ответила она и нажала отбой.

Она повернулась к Кристине, которая с сочувствием и лёгкой ухмылкой смотрела на неё.

— Мой «Плутон» вызывает меня на ковёр, — горько

усмехнулась Кира. — Кабинет ему, видите ли, не дали. Слишком много контроля на один квадратный метр.

— Ну иди, иди, — Кристина заговорщически подмигнула. — Посмотри в глаза своему зеркалу. И помни: трещины просто так не появляются.

Через десять минут Кира уже входила через служебный вход «Гранд Марины». Пока лифт поднимал её на седьмой этаж, она успела прокрутить в голове все свободные зоны отеля. Настоящий директор по сервису не приходит с извинениями — он приходит с готовым решением.

Двери лифта плавно разъехались на этаже пентхаусов. В коридоре у номера 701 стояла звенящая тишина, но воздух казался наэлектризованным. Дверь в номер была приоткрыта.

Кира сделала глубокий вдох, поправила пиджак и постучала.

— Заходите, — донёсся из глубины номера хлёсткий, глубокий и абсолютно спокойный мужской голос. В нём не было крика или истерики, но от этой ровной, ледяной интонации портье Никита, стоявший в углу гостиной, казался ещё меньше, чем был.

Кира вошла. Пентхаус тонул в лучах заходящего сочинского солнца — золото и багрянец заливали огромную гостиную. Повсюду на столах лежали раскрытые кожаные папки, ноутбуки, но сам Дамир стоял спиной к ней, у огромного панорамного окна, заложив руки в карманы брюк. Без пи-

джака, в безупречно белой рубашке с закатанными до локтей рукавами.

— Добрый вечер, — Кира сделала шаг вперёд. — Я Кира, директор по гостевому сервису. Мне передали вашу претензию.

Дамир медленно повернулся. Его короткая светлая стрижка словно горела в лучах заката, а карие глаза смотрели на Киру со смесью холодного раздражения и той самой звенящей чёткости, которую она заметила ещё в лобби. Он снова сканировал её, выстроив вокруг себя глухую ментальную стену.

— Скажите, Кира, — он произнёс её имя веско, словно проверяя на прочность, — ваша международная сеть всегда продаёт пентхаусы под видом бизнес-апартаментов, «забывая» упомянуть, что работать здесь невозможно? Мне не нужен аквариум из стекла и глянца. Мне нужен закрытый кабинет. Без посторонних глаз, без моих сотрудников за стеклом и с абсолютной конфиденциальностью. Мои деньги подразумевают, что я покупаю безопасность для своих дел. А вы дали мне номер для пляжного отдыха.

Он сделал шаг навстречу, останавливаясь в паре метров от неё. И снова, как в лобби, Кира почувствовала, как между ними натянулась невидимая струна. Но её панцирь «я сама» сработал безупречно. Она не опустила глаза и не начала лебезить.

— Я прекрасно понимаю ваше требование, Дамир, — от-

ветила она, и её голос прозвучал как образец профессионального спокойствия. — И приношу извинения за то, что планировка пентхауса не оправдала ваших ожиданий. Вы правы: для вашей работы нужны жёсткие границы. Отелю нечего вам возразить, кроме одного — готового решения.

Дамир слегка приподнял бровь, удивлённый её тоном. В ней не было страха перед богатым клиентом. Было лишь чистое, зеркальное достоинство.

— И какое у вас решение? — спросил он, сузив карие глаза.

— На этом же этаже, прямо за стеной вашего номера, находится малый сигарный клуб отеля. Сейчас он закрыт на реставрацию, там никого нет. Там толстые дубовые стены, абсолютная звукоизоляция, отдельный вход и выделенная линия интернета. Я прикажу открыть его лично для вас. Туда не зайдёт ни один человек, включая ваших помощников, если вы сами того не пожелаете. Ключ будет только у вас. И у меня — на случай экстренной связи. Вас устроит такой уровень изоляции?

Дамир молчал несколько секунд, внимательно вглядываясь в её лицо. Его чёткий разум искал подвох, скрытый мотив — почему эта брюнетка решает его проблему так быстро и так... понимающе? Словно она сама знала, каково это — выстраивать стены, чтобы спрятаться от мира.

— Сигарный клуб, — медленно повторил он, и лёд в его голосе слегка подтаял, уступая место искреннему интересу.

— Закрытый от всех?

— Абсолютно, — Кира кивнула. — Иногда людям просто жизненно необходимо, чтобы их никто не трогал. Чтобы за их границами была только тишина.

Дамир замер. Её фраза — простая, рабочая — вдруг прошила его насквозь. Он ведь приехал сюда именно за этим. Спрятаться от предательства партнёров, от фальшивых женщин, от вечной гонки за его миллионами. Ему нужна была эта тишина. И эта странная девушка в шоколадном костюме сформулировала его внутренний крик так точно, словно прочитала его мысли.

В угасающих лучах сочинского заката Кира снова увидела, как по стеклу панорамного окна позади Дамира без звука побежала тонкая золотая трещина реальности. Воздух в пентхаусе стал густым.

— Хорошо, Кира. Показывайте, — Дамир резко нарушил тишину. Его голос вернул себе привычную чёткость, но взгляд карих глаз оставался прикованным к её лицу. — Я должен лично убедиться, что это место подходит для конфиденциальных звонков. Пойдёмте.

Кира молча кивнула портье Никите, отпуская его, и жестом пригласила Дамира следовать за ней. Они вышли в тихий коридор седьмого этажа. Шаги Киры на шпильках звучали ритмично, а Дамир шёл рядом — бесшумно и собранно, словно хищник на своей территории. Между ними физически ощущалось расстояние в полметра, но ментально это

пространство искрило.

Она подвела его к массивной двери из тёмного дуба в самом конце коридора. Достала из кармана пиджака тяжёлый электронный ключ-карту в строгом кожаном чехле с тиснением отеля, приложила к замку. Раздался тихий щелчок.

Внутри сигарного клуба царил полумрак. Пахло дорогим табаком, старой кожей и кедровым деревом. Окна здесь были узкими, в стиле сталинского ампира, и выходили на темнеющие горы Красной Поляны, а не на пляж. Идеальный бункер.

Дамир прошёл вглубь комнаты, провёл пальцем по полированной поверхности тяжёлого стола, окинул взглядом глубокие кожаные кресла и проверил сигнал сети на телефоне. Его лицо оставалось непроницаемым, но Кира видела по его плечам — он удовлетворён. Здесь его никто не увидит через стеклянные стены.

— Это то, что нужно, — Дамир повернулся к ней, оставиваясь в шаге. — Отель реабилитирован в моих глазах. Давайте ключ.

Кира протянула руку, держа кожаный чехол с картой. Дамир протянул свою — широкую ладонь с чёткими линиями и тонкими шрамами на костяшках.

Они не планировали этого. Это должно было быть секундное, формальное действие. Но когда Дамир взял чехол, его пальцы слегка, скользящим движением соприкоснулись с кожей её ладони.

Бум.

Мир вокруг них не просто треснул — он исчез. На одну бесконечную, оглушительную секунду время полностью остановилось.

Вспышка дежавю была такой силы, что у Киры перехватило дыхание, а в глазах Дамира мелькнуло чистое, ничем не прикрытое потрясение. Психологическая броня, которую они выстраивали годами, разлетелась в пыль от этого простого тепла человеческой кожи.

В сознании обоих одновременно пронёсся один и тот же образ, не имеющий отношения к сочинскому отелю: холодный, проливной дождь, привкус соли на губах, старый каменный пирс и ощущение дикой, разрывающей грудь потери. Они точно знали — они уже прощались так же, держась за руки, и это соприкосновение было началом чего-то огромного и фатального.

Золотая нить синхронии, связывающая их сердца, на секунду вспыхнула так ярко, что Кире показалось, будто она видит её физически в полумраке сигарной комнаты. Её кожа на запястье под часами обожгла такой вспышкой зуда, что захотелось закричать.

Дамир резко, судорожно вздохнул, словно ему не хватало воздуха, и первым отдёрнул руку, сжав ключ-карту в кулаке. Лёд в его карих глазах сменился растерянностью и глубинным, первобытным страхом. Рациональный мужчина, который привык верить только цифрам, столкнулся с тем, что нельзя просчитать.

Кира отступила на шаг назад, её сердце колотилось в самых ушах, руки мелко дрожали, но она заставила себя сцепить пальцы в замок за спиной.

— Приятного вечера, — её голос сорвался на шёпот, но она вернула ему прежнюю ровную интонацию. — Если что-то понадобится — моя линия всегда активна.

— Спасибо, Кира. Свободны, — Дамир ответил подчёркнуто сухо, почти грубо. Но это была не грубость — это была паническая попытка восстановить свои разрушенные границы. Он отвернулся к окну, спиной показывая, что аудиенция окончена.

Кира развернулась и быстро вышла из комнаты, аккуратно прикрыв за собой тяжёлую дубовую дверь.

Оказавшись в пустом коридоре, она прислонилась спиной к стене и медленно сползла бы вниз, если бы не жёсткий корсет её профессионализма. Она подняла левую руку, отодвинула ремешок часов и замерла: розоватое пятнышко аллергии на запястье теперь горело ровным, идеальным кругом, похожим на древний символ.

Они разошлись по своим местам. Он остался в темноте сигарного клуба наедине со своими цифрами и внезапным хаосом в голове. Она спустилась в свой идеальный кабинет, чтобы снова перебирать бумажные отчёты. Они сделали всё, чтобы защитить своё одиночество.

Но реальность уже дала трещину. И обратного пути не было.

Глава 3. Разблокированная опция

Вечерний спальный район Сочи встретил Киру густым запахом цветущих магнолий и влажной прохладой. Оставив машину у обочины, она поднялась на третий этаж типовой пятиэтажки. Квартира, которую она купила отцу, была светлой и чистой — Кира лично нанимала приходящую помощницу, — но стоило переступить порог, как на неё мёртвым грузом опустилось привычное ощущение личной ответственности за чужую жизнь.

— Кирочка, дочка приехала, — отец, Алексей Петрович, вышел в прихожую. Шлёпанцы тихо шаркали по линолеуму, трикотажная кофта висела на исхудавших плечах. Он улыбался своей доброй, беззащитной улыбкой, но в его глазах Кира видела всё ту же полومку, оставшуюся после смерти мамы.

— Привет, пап. Как колено? Капли нашёл? — Кира привычно поцеловала его в сухую щёку, сразу проходя на кухню, чтобы проверить холодильник. Контроль. Тотальный контроль.

— Нашёл, нашёл, спасибо тебе. Если бы не ты, я как без рук, — он присел на табуретку, наблюдая, как дочь быстро и чётко перебирает контейнеры с едой. — Ты бледная какая-то, Кир. На работе проблемы? Твой этот отель... он же все соки из тебя выжимает.

Кира замерла с пакетом молока в руках. Перед глазами на секунду вспыхнули карие глаза Дамира и тонущий в закате сигарный клуб. Рука под часами снова слабо зазудела.

— Всё хорошо, пап. Просто сложный заезд, — Кира мягко улыбнулась, закрывая холодильник. — Тебе ни о чём не нужно переживать. Я со всем справлюсь. Ты главное лекарства вовремя пей.

Она уехала через час, чувствуя себя выжатым лимоном. По дороге обратно к центру города руль казался неподъёмным. Роль «взрослой» для собственного отца, которую она добровольно несла с девяти лет, сегодня давила на плечи с утроенной силой. Ей жизненно необходим был глоток воздуха.

Именно в этот момент телефон на панели автомобиля ожил сообщением от Кристины:

«Кира, без лишних слов. Сегодня в девять вечера гонг-медитация в Красной Поляне. В тайном месте в горах. Ведёт Даниил — это лучший проводник на побережье. Я забронировала нам два места. Ты едешь. Твоему Плутону и твоей задыхающейся душе это нужно».

Кира посмотрела на дорожный указатель: направо — её идеальная, пустая квартира, налево — дорога в горы. Повинуясь какому-то иррациональному импульсу, Кира включила левый поворотник.

Место действительно оказалось сакральным. Небольшая деревянная студия с панорамными окнами была спрятана

среди кавказских хребтов, утопая в тумане. Внутри пахло сандалом, пало-санто и горными травами. По периметру зала на ковриках сидели около десяти девушек. Все они выглядели расслабленными, и только Кира в своих строгих брюках чувствовала себя здесь чужеродным элементом, застѣгнутым на все пуговицы контроля.

Практика началась с чайной церемонии. Проводник по имени Даниил — мужчина с удивительно спокойными, глубокими глазами и мягкими, но уверенными движениями — разливал по пиалам ароматный пуэр. Он двигался плавно, обходя круг. Кому-то он улыбался, кому-то тихо говорил пару слов — и Кира замечала, как девушки кивали, утирая внезапные слёзы. Даниил читал их боль, как открытую книгу.

Кира сидела, выпрямив спину, и медленно пила чай, мысленно выстроив привычную стену: «Я просто приехала отдохнуть. Меня это не касается. Я контролирую ситуацию».

Когда она допила, Даниил как раз подошёл к ней с деревянным подносом. Кира потянулась, чтобы поставить пустую пиалу, но в этот момент его рука замерла. Даниил остановился. Пространство вокруг словно сгустилось, отсекая шёпот остальных девушек.

Он посмотрел Кире прямо в глаза — глубоко, чисто, без капли флирта, заигрывания или мужского намёка. Это был взгляд абсолютного знания.

— Ты здесь для того, чтобы научиться доверять, — произнёс Даниил. Его голос прозвучал не как совет, а как непре-

ложный факт реальности. — Я здесь, дай мне чашку. Ты можешь на меня положиться. Мужчина — это поддержка и опора. Просто разреши этому быть.

Кира внутренне охренела. Каждое слово ударило в её подсознание с силой кувалды, разбивающей бетон. Никто и никогда не говорил ей этого. Мужчина — опора? Мужчина — поддержка? В её мире мужчины были теми, кого нужно спасать, как отца, или теми, от кого нужно защищаться. А этот абсолютно чужой человек транслировал силу, которой ей так не хватало.

Она медленно разжала пальцы, позволяя ему забрать пилу. И в этот момент её броня дала колоссальную трещину.

Когда началась сама гонг-медитация и комнату затопили мощные, вибрирующие звуки огромного бронзового гонга, Кира просто... отлетела. Звуковая волна буквально вымыла из её головы все мысли об отеле, об отце, о Дамире, о цифрах и отчётах. Она закрыла глаза и провалилась куда-то очень далеко, в бесконечное, безопасное пространство. Ей было хорошо. Впервые в жизни какая-то огромная, вечно напряжённая часть её существа расслабилась и опустила оружие. Ей больше не нужно было охранять свой периметр.

Следующее утро началось странно. Само пространство Сочи словно изменило свои физические настройки, подстраиваясь под её новое внутреннее состояние.

Кира подъехала к отелю и подошла к массивным стеклянным дверям. Обычно она открывала их сама, быстрым, при-

вычным движением руки. Но сегодня, стоило ей сделать шаг, как шедший впереди незнакомец в деловом костюме резко остановился, придержал тяжёлую створку и мягко улыбнулся:

— Проходите, пожалуйста.

Кира удивлённо кивнула. На служебной лестнице портье, несший коробки с полиграфией, вдруг бросил свой груз, шагнул к ней и протянул руку, помогая сойти со ступеньки, где мыли пол:

— Осторожно, Кира Алексеевна, здесь скользко. Держитесь.

Она вложила свои пальцы в его ладонь и почувствовала, как внутри разливается странное тепло. На парковке незнакомый мужчина подбежал, чтобы помочь ей донести тяжёлую коробку с архивными документами до лифта, хотя она даже не просила.

Мир буквально носил её на руках. Кира шла по коридору отеля, и её осенило: «Боже... Это не мир был закрытым и враждебным. Это я сама заблокировала эту опцию жизни. Я выставила табличку "Не подходить, я сама", и реальность просто выполняла мой приказ. А теперь я её разблокировала — и мир тут же отозвался».

Она зашла в свой кабинет, чувствуя необычайную лёгкость в теле. Кожа на запястье больше не чесалась. Круглое розоватое пятнышко побледнело, оставляя лишь чистый след.

Кира села за стол, открыла рабочий ноутбук и замерла. На корпоративной почте висело новое письмо со значком «Срочно» от Дамира из номера 701.

Трещина в реальности расширялась, и Кира понимала: её новая, разблокированная версия готова к встрече с его каменной стеной.

Глава 4. Зеркальный сбой

Письмо от Дамира было коротким и сухим, в его фирменном стиле: «Кира Алексеевна, зайдите в сигарный клуб. Есть срочная задача по размещению партнёров. Дамир». Никаких «пожалуйста» или лишних приветствий. Чистая функция.

Но Кира, закрыв ноутбук, поймала себя на том, что больше не чувствует прежнего внутреннего напряжения. Вчерашний гонг Даниила всё ещё вибрировал в её теле ощущением глубокой, звенящей тишины. Она шла по коридору седьмого этажа, и мир вокруг больше не казался ей полем боя, где нужно ежесекундно держать щит. Она просто шла делать свою работу.

У двери сигарного клуба она мягко постучала и, дождавшись короткого «Да», вошла.

Полумрак комнаты рассеивали лишь настольная лампа из зелёного стекла и серый свет кавказских гор за узкими окнами. Дамир сидел в глубоком кожаном кресле. Перед ним на тяжёлом дубовом столе лежал раскрытый макбук, а вокруг аккуратными стопками высились распечатанные графики и таблицы. Он выглядел уставшим, под глазами залегли едва заметные тени, но взгляд карих глаз оставался сканирующим и острым.

— Добрый день, Дамир, — Кира остановилась у края сто-

ла, мягко опустив руки на спинку противоположного кресла. Она не заискивала, не поправляла волосы и не улыбалась дежурной улыбкой портье. Она была абсолютно естественной. Ей не нужно было защищаться.

Дамир поднял на неё глаза и на секунду замер. Его чёткий, тренированный на микровыражения лиц мозг мгновенно зафиксировал изменения. Эта брюнетка перед ним... она изменилась. Куда-то исчезла та жёсткая, угловатая настороженность, которую он видел в ней вчера. Линия её плеч была расслаблена, взгляд карих глаз стал мягким и глубоким, словно озёрная вода в штиль. Она не флиртowała, не хихикала, не пыталась принять выгодную позу, как делали все женщины, знавшие размер его банковского счёта. Она просто стояла перед ним — цельная, спокойная и настоящая.

Внутри Дамира поднялась странная, непривычная волна. Его раненое эго, привыкшее к вечным победам, вдруг осознало: она смотрит на него просто как на гостя. Без корысти, но и без того трепета, который он привык вызывать. И в этой её профессиональной отстранённости ему до безумия, до дрожи захотелось увидеть её искренний, личный интерес к себе. Именно к нему, а не к его статусу.

— Кира, — он кашлянул, возвращая голосу деловой тон. — Ситуация изменилась. Завтра утром в отель прилетает моя основная делегация из восьми человек. Это ключевые инвесторы. Задача — организовать для них лучшие номера на этом же этаже и закрытый ужин в ресторане отеля. Ме-

ню должно быть безупречным, никакой суеты, полная конфиденциальность. Справитесь?

— Разумеется, — Кира спокойно кивнула, мысленно уже распределяя задачи для Никиты и шеф-повара. — Номера будут готовы к утру. По поводу ужина — мы закроем для вас каминный зал ресторана «Ампи́р». Посторонних там не будет. Какое направление кухни предпочитают ваши партнёры?

— Европейская классика. И побольше крепкого алкоголя, — Дамир горько, почти незаметно усмехнулся и вдруг, потеряв переносицу, добавил: — Эти люди не привыкли договариваться. Они привыкли жрать тех, кто слабее. Отец перед смертью говорил мне, что в этом бизнесе у меня не будет друзей, только волки. И он был прав. Если завтра сделка сорвётся, они пустят меня по миру.

Он договорил и осёкся. В сигарном клубе повисла абсолютная, звенящая тишина.

Дамир смотрел на Киру с диким, нарастающим потрясением в глазах. Его внутренний контролёр буквально кричал в ужасе: «Что ты творишь?! Зачем ты рассказал это посторонней женщине? Обнажил свою главную уязвимость, свой страх, упомянул отца!» Он никогда, никому не рассказывал личных вещей. Для внешнего мира он был железным Дамиром без страха и упрёка. И вдруг он проговорился. Выдал ей свою самую сокровенную боль, даже не поняв, почему его язык сделал это.

А Кира не шелохнулась. Она не стала испуганно лепетать слова сочувствия. Но в её глазах Дамир увидел то, чего не видел никогда в жизни — абсолютное, чистое принятие. Без жалости, которая унижает, а с глубоким пониманием человека, который сам знает, каково это — выживать ради ломающихся отцов.

Золотая нить между их сердцами в этот момент натянулась так сильно, что воздух в комнате словно завибрировал.

— Ваша безопасность и конфиденциальность ужина — это моя работа, Дамир, — тихо, но невероятно твёрдо произнесла Кира, глядя ему прямо в душу. — Отель сделает всё, чтобы вы были в безопасности. Но волки побеждают только тех, кто сам верит в их силу. Вы сильнее, чем думаете. Меню я пришлю вам на утверждение через час.

Она мягко кивнула, развернулась и пошла к выходу. Её шаги были лёгкими и уверенными. Она не оглянулась, чтобы проверить его реакцию. Она просто сделала свою работу и ушла, оставив его одного.

Дамир остался сидеть в кресле, глядя на закрывшуюся двойную дверь. Его сердце бешено стучало в груди, ломая привычный ритм. Он сжал кулаки, чувствуя, как его каменная реальность трещит по швам. Эта женщина только что перевернула его мир одной фразой, и он понимал: он сделает всё, чтобы заставить её посмотреть на него не как на директора гостевого сервиса, а как на мужчину.

Глава 5. Тонкие грани

Утро дня «Х» началось с безупречного, выверенного до секунд ритма. Делегация из восьми человек прибыла на представительских мерседесах ровно в одиннадцать. Кира встречала их лично на входе. Это были мужчины в идеальных костюмах, от которых веяло тяжёлым, хищным шлейфом власти, дорогих сигар и абсолютного цинизма. Те самые «волки», о которых говорил Дамир.

Дамир вышел к ним в лобби — спокойный, застёгнутый на все пуговицы, с каменным выражением лица. Кира краем глаза заметила, как на секунду его взгляд скользнул по ней, проверяя её состояние после вчерашнего разговора в сигарном клубе. Она лишь едва заметно, профессионально кивнула ему. Никаких лишних знаков.

Расселение прошло идеально. Номера на седьмом этаже были подготовлены безупречно. Весь день Кира лично контролировала кухню и персонал. Её вчерашнее состояние «разблокированного доверия» никуда не исчезло — мир продолжал помогать ей. Официанты понимали её с полуслова, шеф-повар превзошёл сам себя, а двери перед ней открывались словно сами собой. Она плыла по этому дню, чувствуя невероятную лёгкую силу.

В восемь вечера в каминном зале ресторана «Ампи́р» начался закрытый ужин.

Через два часа, когда тяжёлые переговоры за столом, судя по всему, зашли в тупик, алкоголь начал брать своё. Градус цинизма в зале рос. Кира вошла в зал, чтобы лично проверить подачу десертов и убедиться, что конфиденциальность не нарушена.

— О, а вот и самое прекрасное украшение этого скучного вечера, — раздался хриплый, самоуверенный голос из-за стола.

Это был один из главных инвесторов — крупный мужчина с тяжёлым лицом по имени Эдуард. Он уже изрядно выпил, его галстук был ослаблен. Он поднялся со своего места, перегородив Кире дорогу у фуршетной линии, и бесцеремонно опустил тяжёлую ладонь ей на талию, притягивая к себе:

— Слышь, красавица, а что ты делаешь после смены? Такой сервис должен оплачиваться отдельно. Дамир, где ты откопал такую куколку? Продай её мне в компанию, а?

В каминном зале мгновенно повисла ледяная тишина.

Дамир, сидевший напротив, замер. Кира отчётливо увидела, как его карие глаза превратились в два куса обжигающего льда, а пальцы, державшие бокал с виски, побелели от напряжения. Он готов был встать и буквально размазать этого инвестора по дубовому паркету, невзирая на миллионный контракт. Его внутренний собственник и защитник рвался наружу.

Но Кира не была бы директором люксового сервиса, если бы не умела решать такие ситуации филигранно. Ей не нуж-

на была защита. Её панцирь и многолетний опыт работы с пьяными VIP-гостями сработали как швейцарские часы.

Она даже не вздрогнула. На её лице не отразилось ни тени испуга или брезгливости. Мягким, текучим, но абсолютно непреклонным движением она перехватила запястье Эдуарда, аккуратно, но с жёстким нажимом на определённую точку (привет урокам самообороны и знанию анатомии) сняла его руку со своей талии и сделала полшага назад, разрывая дистанцию.

На её губах заиграла безупречная, холодная улыбка профессионала.

— Эдуард Борисович, безопасность и комфорт наших гостей — это главный приоритет отеля «Гранд Марина», — её голос прозвучал колоратурным сопрано, мягко, но так отчётливо, что слышал каждый. — Моё рабочее время полностью принадлежит обеспечению вашей сделки. А по поводу смены — боюсь, мой график расписан международной сетью на полгода вперёд, и штрафы за его нарушение не по карману даже вашему инвестиционному фонду. Позвольте я прикажу обновить вам лёд в бокале? Наш шеф подготовил для вас авторский сорбет.

Эдуард несколько секунд моргал, переваривая ответ. Она не устроила скандал, не пожаловалась, не ударила его, но выставила такие железные границы, что он почувствовал себя глупым школьником. За столом кто-то негромко хмыкнул. Напряжение спало.

— Эдуард, сядь на место. Не позорься, — небрежно бросил Дамир.

Его голос звучал ровно, но в карих глазах, направленных на Киру, горело чистое, ослепительное восхищение. Он смотрел на неё так, словно видел перед собой богиню. Эта женщина не нуждалась в спасении. Она была сильной, умной, безупречной и управляла хаосом так легко, словно это была игра. Она была другой. Настоящей.

Кира мягко кивнула присутствующим и бесшумно покинула зал. Ей не было жалко Эдуарда, она не испытывала к нему злости — просто рабочая ситуация, решённая на автомате. Но внутри всё же остался лёгкий осадок усталости.

Около полуночи Кира вернулась в свой рабочий кабинет на первом этаже, чтобы собрать вещи и наконец поехать домой. Кожа под часами снова слегка покалывала, но это было приятное, тёплое покалывание, словно энергия текла правильно.

Она открыла дверь кабинета и замерла на пороге.

Вся комната была затоплена тонким, потрясающим ароматом. На её строгом рабочем столе, прямо поверх закрытого ноутбука, стояла огромная, круглая шляпная коробка. А в ней — роскошный, плотный букет роз. Не банальных красных или белых. Это были крупные, пионовидные розы невероятного, глубокого оранжевого цвета — цвета сочинского заката, огня и скрытой страсти.

Кира медленно подошла к столу, коснулась прохладно-

го, шелковистого лепестка. Среди цветов лежала лаконичная чёрная карточка. Кира перевернула её. Размашистый, чёткий мужской почерк гласил:

«Кира, прошу прощения за поведение моих партнёров. Ваша выдержка и профессионализм восхищают. Спасибо за тишину и безопасность, которые вы создаёте. Дамир».

Кира держала карточку в руках, и впервые за долгое время в её груди что-то дрогнуло. Не из-за денег, не из-за стоимости букета. Из-за того, что этот жёсткий, закрытый мужчина заметил её суть. Он не пытался её купить. Он проявил уважение.

Она посмотрела на оранжевые бутоны, и в полумраке кабинета ей показалось, что от цветов во все стороны расходятся тонкие золотые нити синхронии. Реальность трещала по швам, и этот букет был прямым доказательством того, что их миры столкнулись навсегда.

Глава 6. Треугольник контроля

Утро следующего дня принесло в отель «Гранд Марина» прохладу ранней осени, хотя календарь всё ещё упрямо твердил о конце августа. Огромный букет оранжевых роз остался стоять на столе в кабинете Кире, наполняя комнату плотным, пьянящим ароматом. Кира поймала себя на том, что за последние два часа смотрела на него чаще, чем на экран рабочего планшета.

Карточка с чётким почерком Дамира лежала в верхнем ящике стола. Кира ещё не решила, как на неё ответить. Профессиональная этика требовала сухого «Спасибо за внимание к деталям сервиса», но её новая, проснувшаяся после гонг-медитации часть отчаянно сопротивлялась этой фальши.

Около полудня Кира спустилась на веранду ресторана «Ампир», чтобы выпить минеральной воды и просмотреть отчёты по заездам. Солнце мягко бликовало на панорамных стёклах.

— Кира Алексеевна, вы сегодня выглядите как ожившая картина импрессионистов, — раздался за спиной бархатный, излишне уверенный мужской голос.

Кира даже не оборачиваясь знала, кто это. Марк. Владелец крупной яхтенной компании Сочи и постоянный резидент VIP-зоны отеля. Высокий, подтянутый, с идеальным

ужным загаром и белозубой улыбкой человека, которому в этой жизни всё доставалось по щелчку пальцев. Он ухаживал за Кирой последние полгода: дарил дорогие подарки через портье (которые Кира неизменно отправляла обратно), звал на прогулки на своих лучших яхтах и пытался поймать её взгляд.

Марк привык, что женщины в Сочи тают от его внимания. Но Кира была для него неприступной скалой. Она не кокетничала с ним, не принимала подарков и каждый раз вежливо, но ледяным тоном давала понять, что её интересуют только бизнес-отношения между его компанией и отелем. И это сводило Марка с ума, превращая ухаживания в азартную охоту.

— Добрый день, Марк, — Кира повернулась, сохраняя безупречную рабочую дистанцию. — Если вы по поводу продления парковки для ваших катеров, то документы уже у юристов.

— Полно вам, Кира, всё о делах, — Марк вольно опустил-ся в кресло напротив, откинувшись на спинку и рассматривая её с откровенным восхищением. — Я вообще-то пришёл выразить своё почтение. Вчера за ужином я сидел на закрытой террасе и видел, как этот боров Эдуард из московской делегации распустил руки. Я уже хотел вмешаться и пересчитать ему рёбра, но то, как вы его размазали одной улыбкой... Это был высший пилотаж. Вы невероятная женщина.

Кира слегка прищурилась. То, что Марк видел эту сцену, ей не понравилось. Её панцирь контроля тут же выдал де-

журную реакцию:

— Это моя работа, Марк. В «Гранд Марине» умеют улаживать недоразумения. Мне не требовалось вмешательство.

— Да я вижу, что вы у нас «всё сама», — Марк легко рассмехался, но в его глазах промелькнул укол уязвлённого самолюбия. — Но иногда так хочется, чтобы рядом был кто-то, кто решит эти проблемы за вас. Например, я. Моё предложение поужинать на яхте при закате всё ещё в силе. Обещаю, никаких инвесторов. Только мы.

— Мой график на эту неделю полностью закрыт, — ровно ответила Кира, поднимаясь из-за стола. — Всего доброго, Марк.

Она развернулась и пошла к выходу с веранды. Марк проводил её долгим, задумчивым взглядом. Её холодность не оттолкнула его, а наоборот — разожгла внутреннее пламя. Он привык побеждать.

Кира поднялась на седьмой этаж, чтобы проверить, как работает выделенная линия связи в сигарном клубе Дамира. На пороге она столкнулась с самим Дамиром. Он выходил из кабинета вместе со своим помощником, отдавая чёткие, резкие указания по поводу утренних торгов.

Увидев Киру, Дамир мгновенно замолчал. Помощник тут же испарился.

Они остались вдвоём в полумраке коридора. Дамир был без галстука, верхняя пуговица рубашки расстёгнута, взгляд карих глаз — уставший, но глубокий. Между ними снова на-

тянулась та самая невидимая золотая нить синхронии. Время замедлилось.

— Кира, — тихо произнёс он, и в его голосе проступила та редкая уязвимость, которую он позволял себе только рядом с ней. — Вы получили... посылку?

— Да, — Кира остановилась в шаге от него. Она посмотрела ему прямо в глаза — расслабленно, открыто, чувствуя, как внутри разливается вчерашнее тепло гонг-медитации. — Розы потрясающие, Дамир. Благодарю вас. Цвет заката — это очень красиво. И карточка... Спасибо, что заметили мою работу.

Дамир смотрел на неё и чувствовал, как его железный контроль плавится. Она не жеманилась, не благодарила его так, будто он подарил ей весь мир. Она приняла его жест с таким чистым достоинством, что ему захотелось сделать для неё в сто раз больше.

Но в этот момент двери лифта на этаже с тихим звоном открылись. Из них вышел Марк. Он поднялся сюда, чтобы передать какие-то бумаги в администрацию, и сразу увидел стоящих рядом Киру и Дамира.

Марк замер. Его взгляд мгновенно считал изменившуюся атмосферу между этими двумя — то плотное, искрящееся пространство, которое они выстроили вокруг себя. Азартный охотник внутри Марка мгновенно почуял угрозу. Он понял: эта крепость, которую он штурмовал полгода, кажется, открывает ворота совсем другому человеку. И этот человек

— крупный московский игрок Дамир.

Марк хищно улыбнулся, сделал шаг вперёд и громко произнёс, нарушая сакральную тишину коридора:

— Кира Алексеевна, я тут подумал... Раз вы заняты на этой неделе, может, перенесём наш ужин на яхте на следующие выходные? Я забронирую для нас то самое уединённое место в бухте.

Дамир медленно повернул голову в сторону Марка. Его карие глаза мгновенно превратились в два куса обжигающего льда. Реальность вокруг них снова тихо звеняще треснула, готовая взорваться новым, психологическим поединком...

Глава 7. Бесконтактный бой

В коридоре седьмого этажа повисла такая плотная тишина, что казалось, можно услышать, как пылинки оседают на дорогой ковролин.

Дамир медленно повернул голову к Марку. Его плечи под идеальной рубашкой напряглись, а карие глаза превратились в два куска обжигающего льда. Реальность вокруг них снова тихо звеняще треснула. Дамир привык уничтожать конкурентов в бизнесе одним взглядом, и сейчас от него веяло чистой, первобытной угрозой мужчины, на чью территорию посмели зайти.

Марк, однако, даже не дрогнул. Он был баловнем сочинского побережья, знал себе цену и умел играть красиво. Вместо того чтобы вступать с Дамиром в глупую петушиную перепалку, он сделал безупречный, тонкий психологический ход.

Марк мягко, обезоруживающе улыбнулся и перевёл свой взгляд исключительно на Киру, полностью проигнорировав ледяной фронт, шедший от Дамира.

— Простите мою настойчивость, Кира Алексеевна, — произнёс Марк, и в его бархатном голосе прозвучало искреннее, глубокое уважение. — Я просто до сих пор нахожусь под впечатлением от вашей вчерашней выдержки. Не каждая женщина способна так царственно осадить хама. Вы за-

служиваете самого лучшего отдыха, без всяких забот. Я буду ждать вашего звонка, когда купол этого отеля наконец отпустит вас. Хорошего дня.

Он слегка наклонил голову, признавая её границы, развернулся и лёгким, уверенным шагом направился к лифту. Марк сделал это идеально: не опустился до ревности, подчеркнул её силу перед Дамиром и оставил последнее слово за собой, уйдя на пике мужского благородства.

Когда двери лифта закрылись, Дамир медленно перевёл взгляд на Киру. Его челюсти были сжаты, а в глубине карих глаз бушевал целый вихрь эмоций — от уязвлённого эго до жгучего, незнакомого ему ранее чувства собственности.

— Клиенты отеля позволяют себе слишком много личных предложений в рабочее время, — хлёстко и сухо произнёс Дамир, пытаясь вернуть лицу привычную каменную маску контроля. — Или у вас в «Гранд Марине» принято принимать приглашения на уединённые яхты от каждого встречного?

Кира посмотрела на него. Внутри неё не было страха. Вчерашний гонг Даниила всё ещё отзывался в её теле глубоким, звенящим покоем. Она видела Дамира насквозь — видела, как за его железной «чёткостью» и внезапной вспышкой ревности прячется всё та же раненая душа, которая боится предательства и фальши. Она не собиралась оправдываться. Но и играть в прятки больше не хотела.

Она сделала полшага навстречу, сокращая дистанцию, и

посмотрела ему прямо в душу — расслабленно, открыто и бесконечно глубоко.

— Благодарю вас за розы ещё раз, Дамир, — тихо, но невероятно твёрдо произнесла она. — Цвет заката на моём столе — это лучшее, что случилось за сегодня. Но по поводу вчерашнего... Вам не стоило беспокоиться. И тем более извиняться за своих партнёров.

Дамир слегка прищурился, улавливая тончайшие интонации её голоса.

— Вы защищали безопасность моей сделки, Кира. Этот подонок оскорбил вас на моих глазах.

— Это моя работа, — Кира мягко, но непреклонно качнула головой. На её губах появилась та самая настоящая, тёплая улыбка, лишённая отельного глянца. — Я с детства привыкла справляться со всем подобным сама. Мужская агрессия, слабость или глупость — я умею выставлять границы так, чтобы мне не требовались спасители. Я справляюсь. Всегда.

Каждое её слово упало в пространство между ними как манифест её силы. «Я привыкла справляться сама».

Дамир замер, словно получил ментальный удар под дых. Эти слова... они были зеркальным отражением его собственного жизненного кредо. Он тоже всегда со всем справлялся сам. Он не верил в помощь. И сейчас перед ним стояла женщина, которая не пыталась опереться на его деньги, не просила защиты, не падала в его объятия от одного букета цве-

тов. Она была равна ему в своей автономии.

В полумраке коридора золотая нить синхронии между их сердцами натянулась до предела, вибрируя от колоссального внутреннего напряжения. Дамир смотрел на её каштановые волосы, на спокойный блеск карих глаз и понимал: эта брюнетка — самая сложная, сакральная и желанная загадка в его жизни. И её «я сама» — это не просто слова, это вызов его мужской сути. Ему захотелось не просто защитить её, ему захотелось стать тем единственным человеком, перед кем она добровольно захочет эту броню опустить.

— Вы удивительная женщина, Кира Алексеевна, — тихо, почти интимно произнёс Дамир, и лёд в его взгляде окончательно растаял, уступая место обжигающему, глубокому интересу. — Но даже самым сильным людям иногда нужно, чтобы кто-то просто подержал их купол. Подумайте об этом.

Он коротко кивнул, развернулся и ушёл в свой скрытый сигарный кабинет, аккуратно закрыв за собой массивную дверь.

Кира осталась стоять в пустом коридоре. Сердце колотилось в груди, как сумасшедшее, а кожа на запястье под часами горела ровным, чистым теплом. Пространство вокруг неё продолжало трещать, и Кира понимала: Марк зажёг азарт, Дамир принял вызов, но самое главное — её собственная реальность начала меняться с беспощадной скоростью.

Глава 8. Зеркала и отголоски

Дамир вошёл в сигарный клуб, и тяжёлая дубовая дверь отсекала звуки внешнего мира. Он дошёл до стола, но не сел. Мужчина мерил комнату шагами, заложив руки в карманы брюк, а в его голове всё ещё звучал чистый, непреклонный голос Киры: «Я с детства привыкла справляться со всем подобным сама».

Её слова царапали его эго, но одновременно разжигали внутри незнакомый, дикий азарт. Она была равна ему. Она была такой же раненой и такой же сильной.

Дверь тихо приоткрылась, и в кабинет зашёл Олег, его бессменный личный помощник и начальник службы безопасности. Он держал в руках планшет.

— Дамир Шамилевич, утренние котировки на бирже стабилизировались, партнёры из Москвы ждут вашего подтверждения по финальному драфту договора. И... вы просили узнать.

Дамир остановился у узкого окна, глядя на далёкие, окутанные туманом вершины гор.

— Говори.

— Мужчина, которого вы встретили в коридоре — Марк Левандовский. Местный крупный игрок, владелец яхтенного холдинга «Black Sea Marine». У его компании эксклюзивный контракт с этим отелем на обслуживание VIP-гостей.

Обеспечен, имеет вес в регионе, не женат. Последние полгода активно и настойчиво ухаживает за Кирой Алексеевной. Дарит дорогие подарки, которые она, к слову, неизменно возвращает обратно. На ужин на яхте она согласия не давала. Их отношения строго в рамках рабочего регламента.

Дамир медленно повернул голову. На его лице не отразилось ни единой эмоции, но карие глаза сузились, превращаясь в две хищные щели. Марк. Местный баловень судьбы, привыкший брать крепости штурмом. То, что Кира возвращала его подарки, Дамира не удивило — он уже понял, что эту женщину невозможно купить. Но то, что этот яхтенный магнат крутится вокруг неё целых полгода, заставило его внутренний собственнический инстинкт вздыбиться.

— Я понял, — сухо обронил Дамир. — Свободен, Олег. Подготовь документы к трём часам. И... узнай, какие цветы любит Кира Алексеевна, кроме оранжевых роз.

Когда помощник вышел, Дамир подошёл к столу и открыл ноутбук. Цифры и графики, которые всегда дарили ему ощущение абсолютного контроля над жизнью, сегодня казались безликими. Его «чёткий» мир трещал по швам, и виной тому была брюнетка из гостевого сервиса.

Вечером того же дня Кира сидела на открытой террасе квартиры Кристины. Дом подруги находился на склоне горы, и отсюда открывался потрясающий вид на ночной Сочи — россыпь золотых огней, уходящая прямо в бархатную черноту Чёрного моря. В воздухе пахло лавандовым чаем и благо-

вониями.

Кира сидела, обняв колени, в уютном трикотажном кардигане. Шпильки и строгий шоколадный костюм были сброшены, каштановые волосы мягкими волнами падали на плечи. Она только что закончила рассказывать Кристине про бесконтактный бой в коридоре седьмого этажа.

Кристина слушала её молча, медленно помешивая ложкой чай, а на её лице блуждала загадочная, знающая улыбка.

— Ну и что ты улыбаешься? — Кира раздражённо повела плечом, потирая левое запястье. Кожа под часами больше не чесалась, но там всё ещё сохранялось глубокое, пульсирующее тепло. — Крис, это не смешно. Между ними искрило так, что воздух можно было резать ножом. Марк разыграл карту благородного рыцаря, а Дамир... Боже, он посмотрел на меня так, будто я его личная собственность. Я сразу выставила границы. Сказала ему, что со всем привыкла справляться сама. Я не хочу, чтобы кто-то думал, будто мне нужен спаситель.

Кристина вздохнула, поставила чашку на столик и пересела ближе к Кире, заглядывая ей прямо в глаза.

— Кир... Ты опять застёгнулась на все пуговицы. Твоя броня — это твоя тюрьма. Вспомни, что тебе вчера на гонг-медитации сказал Даниил?

Кира замерла. В её памяти мгновенно вспыхнул спокойный, чистый взгляд проводника и его глубокий голос: «Ты здесь для того, чтобы научиться доверять. Мужчина — это

поддержка и опора. Просто разреши этому быть». Вчера этот посыл разблокировал в ней тонкую опцию принятия, и весь день мир носил её на руках: открывал двери, подавал руку, помогал донести коробки.

— Понимаешь, — тихо продолжила Кристина, мягко коснувшись руки подруги. — Ты разблокировала принятие от мира, от обычных людей, и реальность тут же отозвалась. Но как только дело коснулось твоего мужчины — Дамира, — ты испугалась. Твоё эго в панике включило старую программу. «Я сама! Мне никто не нужен!». Ты испугалась, что если ты расслабишься рядом с Дамиром, то станешь слабой, как твой папа. Но Дамир — не твой отец, Кира. Он сильный. И он пришёл в твою жизнь именно как тот самый Плутониа-нец-трансформатор, чтобы разбить твой контроль.

Кира смотрела на ночное море, и её глаза блестели от подступающих слёз. Слова Кристины безжалостно срывали маски. Она действительно испугалась. Ей было легко принять помощь от чужого портё или незнакомца у двери. Но довериться Дамиру — мужчине, который вызывал в её душе сакральное дежавю и заставлял сердце колотиться в самых ушах, — было смертельно страшно. Это означало полностью опустить щит.

— Мир уже треснул, Кир, — Кристина мягко обняла её за плечи. — Обратно в свою идеальную коробку ты уже не вернёшься. Просто разреши этому быть. Перестань держать купол. Позволь Дамиру быть мужчиной рядом с тобой.

В этот момент над морем беззвучно и ярко рассыпалась падающая звезда. Кира проводила её взглядом, чувствуя, как внутри, сквозь страх и многолетнее недоверие, пробивается первое, робкое и такое сакральное желание — просто довериться темноте.

Глава 9. Горная тишина и предсказания

Субботнее утро в Красной Поляне было хрустальным и прохладным. Горы, укутанные в белоснежные шапки облаков, обступали уединённое деревянное шале, которое Кира арендовала на эти два дня. Здесь, на высоте более тысячи метров, воздух пах хвоей, мокрой древесиной и абсолютной, первозданной свободой. На этот раз Кира сделала то, чего не позволяла себе последние пять лет — она полностью отключила рабочий телефон, оставив его на дне сумки.

Они с Кристиной гуляли по тропам среди столетних пихт. Кира была в уютном оверсайз-худи, тёплых кроссовках, с небрежным пучком каштановых волос на макушке. Кристина, как всегда, яркая, в этническом пончо, без умолку болтала, смеялась и заставляла Киру фотографировать её на фоне каждого горного хребта.

Впервые за долгое время Кира смеялась искренне, от души. Горный воздух словно вымывал из неё остатки отельного контроля и свинцовую усталость. Ей было хорошо. Она чувствовала, как внутри расправляются невидимые крылья её задышавшейся души.

Ближе к вечеру, когда горы окрасились в багровые тона заката, а на поляну опустился густой, прохладный туман, они

вернулись в шале. Развели огонь в камине. Кира устроилась на мягком ковре с книгой, завернувшись в плед, а Кристина, загадочно улыбаясь, достала из своей холщовой сумки тяжёлую, потёртую колоду карт Таро.

— Ну всё, Кирочка, время чтения подошло к концу, — Кристина зажгла свечу с ароматом пало-санто и опустилась на ковёр напротив подруги. — Сама Вселенная велела нам заглянуть в Изнанку. Давай сделаем расклад. Твой Плутон требует ответов.

Кира мягко улыбнулась и отложила книгу. После гонг-медитации её скепсис заметно поутих. Она посмотрела на пламя свечи, чувствуя, как левое запястье под ремешком часов снова отозвалось глубоким, чистым теплом.

— Ладно, Крис. Давай свои карты. Только чур без фанатизма, — шутливо попросила Кира.

— Расслабься и просто задай мысленный вопрос, — Кристина стала медленно и сосредоточенно тасовать колоду. Карты издавали сухой, шуршащий звук, который в тишине шале казался сакральным.

Кира закрыла глаза. Перед её внутренним взором мгновенно возник Дамир — его короткая светлая стрижка, обжигающий лёд карих глаз и то мимолётное касание рук в сигарном клубе, которое перевернуло её мир. «Что между нами происходит? К чему ведёт эта трещина в реальности?» — мысленно спросила она.

— Сдвинь левой рукой к сердцу, — тихо скомандовала

Кристина.

Кира выполнила. Кристина выложила на ковёр три карты рубашкой вверх, а затем медленно перевернула первую. На ней была изображена женщина в короне, сидящая на троне в окружении каменных стен.

— Королева Пентаклей, — Кристина понимающе кивнула. — Это твоё прошлое и настоящее, Кир. Королева контроля. Женщина, которая сама построила своё королевство, сама управляет ресурсами, никому не доверяет и держит всё в железных руках. Твоя броня.

Кристина перевернула вторую карту. На картинке была изображена глухая, массивная каменная башня, в которую ударяет молния, раскалывая её надвое. Люди падали вниз сквозь языки пламени.

Кира внутренне вздрогнула. Вспышка молнии на карте странно напомнила ей золотые трещины в лифте и на стёклах отеля.

— Аркан Башня, — голос Кристины стал очень серьёзным. — Это то, что происходит сейчас. Твоя идеальная коробка контроля, твоя ментальная тюрьма рушится под ударом высших сил. Реальность трещит, Кира, потому что старыми методами жить больше нельзя. Пространство буквально выламывает твои двери.

Кристина протянула руку к третьей, финальной карте. Она перевернула её, и в комнате словно стало на пару градусов холоднее. На карте были изображены мужчина и женщи-

на, стоящие у края бушующего моря, а над ними парил ангел с распростёртыми крыльями. Но карта легла перевёрнутой.

— Влюблённые. Перевёрнутые, — Кристина подняла глаза на притихшую подругу. — Это твоё будущее с Ним. Но перевёрнутый аркан в твоём случае — это не отсутствие любви. Это колоссальный страх выбора. Карта говорит, что между вами сакральная, кармическая связь. Вы — души-близнецы, вы уже проходили этот путь. Но сейчас вы оба стоите в глухой обороне. У него — своя башня недоверия, у тебя — своя. И вы не сможете соединиться, пока не опустите щиты. Вы будете ранить друг друга своим контролем, пока один из вас не рискнёт сделать шаг в уязвимость.

Кира смотрела на перевёрнутую карту Влюблённых, и в её груди нарастала глухая, щемящая боль. Кристина была абсолютно права. Они с Дамиром — как два зеркальных отражения, два одиноких волка, которые безумно хотят тепла, но боятся капкана.

В этот момент за панорамным окном шале, прямо в густом горном тумане, раздался оглушительный, раскатистый гром. Ветер резко ударил в оконные стёкла, заставив пламя свечи испуганно дрогнуть.

Кира вздрогнула, перевела взгляд на окно и замерла. Сквозь туман и темноту, на склоне противоположной горы, золотыми огнями светилось окно какого-то далёкого, одинокого домика. И эти огни выстроились в чёткую, ровную линию, которая пульсировала точно так же, как та золотая нить

между её сердцем и сердцем Дамира.

Она поняла: горы не спрятали её от синхронии мира. Реальность продолжала трещать, требуя от неё самого страшного и сакрального шага — научиться доверять.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.